

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 45

1962

ДЕНЬ ПОЭЗИИ В МОСКВЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 45

ДЕНЬ ПОЭЗИИ В МОСКВЕ

Издательство «ПРАВДА»

Москва. 1962

ДЕНЬ ПОЭЗИИ В МОСКВЕ

Редактор и составитель **Я. СМЕЛЯКОВ.**

А 00188, Подписано к печати 27/X 1962 г. Тираж 150 000. Изд. № 1860.

Зак. 2721. Форм. бум. 70×108¹/₃₂. 0,5 бум. л.— 1,37 печ. л. Цена 4 коп.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

ВСТАНЬ, ПРОМЕТЕЙ!

Встань, Прометей, комбинезон надень,
возьми кресало гроз высокогорных,
горит багряный жар в кузнечных горнах,
твой тридцативековый трудодень.

Встань, Леонардо, свет зажги в ночи,
оконце зарешеченное вытри
и в облаках, как на своей палитре,
улыбку Моны Лизы различи.

Встань, Жолио-Кюри! Встань Пикассо.
Встань, следующий! Всем пора родиться.
А вы, глупцы, хранители традиций,
попавшие как белки в колесо,

не принимайте чрезвычайных мер,
не обсуждайте, свят он иль греховен:
еще от горя не оглох Бетховен
и не ослеп от нищеты Гомер.

Все брезжит, брызжет, движется, течет
и гибнет, о себе не беспокоясь.
Не создан эпос. Не исчерпан поиск.
Не подготовлен никакой отчет.

ПЕСНЬ О ГАРСИА ЛОРКЕ

Почему ж ты, Испания,
в небо смотрела,
когда Гарсиа Лорку
увели для расстрела?
Андалузия знала,
и Валенсия знала,—
что ж земля
под ногами убийц не стонала?!
Что ж вы руки скрестили
и губы вы сжали,
когда песню родную
на смерть провожали?
Увели не к стене его,
не на площадь.—
увели, обманув,
к апельсиновой роще.
Шел он гордо,
срывая в пути апельсины
и бросая с размаху
в пруды и трясины;
те плоды
под луною
в воде золотели,
и на дно не опускались,
и тонуть не хотели.
Будто с неба срывал
и кидал он планеты —
так всегда перед смертью
поступают поэты.
Но пруды высыхали,
и плоды увядали,
и следы от походки его
пропадали.
А жандармы сидели,
лимонад попивая
и слова его песен
про себя напевая.

ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ

Над памятью не мыслю издеваться
И суесловных виршей не плету:
Припомнилась мне «форма № 20» —
Проверка наших тел на чистоту.

Сорок четвертый...

Не перед парадом,
За станционным лесом,
у песков,
Десантники Семнадцатой бригады —
Четыре тыщи голых мужиков.

Что ж, дуростью нетрудно отличиться,
Но кто б расхохотаться захотел
Перед нагим,
перед прекрасно чистым,
Перед горячим строем стройных тел.

...По самосейке —
летошней гречихе —
Летали осы,
все им нипочем,
А на ресницах беленькой врачихи
Созрели слезы с яблоко-дичок.
О чем она,
молоденькая,
плакала?

Зачем,
к вискам ладошки приложив?
Ведь мы сияли,
словно шашки наголо,
Голубизною обнаженных жил.

Еще ни шрамов,
ни отметин белых
На грубоватой коже не видеть,
Еще,
родная,
трое суток целых
Постукивать по стыкам поездам.

Гадать не станем.

И к чему гаданье?
Ладошки белые ты убери с висков,—
Пришли к тебе на первое свиданье
Четыре тыщи голых мужиков.

Они пришли,
чтоб унести с собою
К боям земную чистоту твою,
И быть прекрасными у смерти на краю,
И чистыми вернуться с поля боя,
А суждено —
остаться в том бою.

...Гляди,
как смотрят на тебя влюбленно
И сколько света каждый взгляд родит
Под нуль подстриженных
российских Аполлонов,
Еще своих не знавших Афродит.

Сергей ВАСИЛЬЕВ

ПРИШЛА ЛЮБОВЬ

Умолкают вечерние птицы,
а в читальне, что окнами в сад,
как кленовые листья, страницы
на широких столах шелестят.
Опираясь о книжную полку,
вы стоите,
и вам невдомек,
что любитесь вами подолгу
молчаливый один паренек.
Из читальни идет он, как пьяный,
по аллее к себе на завод.
То вас с Ольгой сравнит,
то с Татьяной,
то Джульеттой своей назовет.
И проносит он образ ваш милый
в жарком сердце
по вешним садам
и в мечтах, как Руслан за Людмилу,
всюду мчится по вашим следам.

То несут его тучи, то кони,
то орлы помогают в пути.
И от пламенной этой погони
вам едва ли удастся уйти.

Евгений ВИНУКUROB

* * *

И когда мои ноги уже затекали
Подо мной, и щека моя тронула лед,
Высоко над собою,
по вертикали
Я увидел кружащийся самолет.
Он заметил меня и все ниже и ниже
Стал спускаться,
И вот уж, почти что без сил,—
Ну дави,— я тогда прошептал,— ну дави же
На гашетку! —

И крепко рукав закусил.
..То ли все же меня не заметил он, то ли
Пренебрег, но рывком надавил на штурвал
И, как бог Саваоф, на небесном престоле,
Мне — ничтожнейшей точке — жизнь даровал.
И поднялся и снова зашел на орбиту...
Я заплакал: Мальчишка! Убийца! Сопляк!
И за то, что меня не убил, за обиду
Я поднял над собою замерзший кулак.

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

* * *

В Америке, пропахшей мраком,
камелией и аммиаком,
В отелях лунных, как олени,
по алюминиевым аллеям,
Пыхтя, как будто тягачи,
За мною ходят стукачи —
17 лбов из ФБР,
Брр!..
Один — мордастый, как томат,
другой — галантно-нагловат,

А их главарь — горбат и хвор,
Кровавый глаз — как семафор.
Гостиницы имеют уши.

Как микрофон, головка душа,
И писсуар глядит на вас,
Как гипсовой богини глаз.
17 объективов щелкали.

17 раз в дверную щелку
Я вылетал, как домовой,
Сквозь линзу книзу головой!
Живу. В гостиных речь веду.

Смеюсь остротам возле секса.
Лежат 17 Вознесенских
В кассетах, сейфах, как в аду.
Они с разинутыми ртами,

как лес с затекшими руками,
Как пленники в игре «замри!»,
Застыли двойники мои.
У одного в руках вода.

Он не напьется никогда!
Другой застыл в зубах с лангустой.
А тот — в прыжке повис, как люстра.
17 Вознесенских стонут,

они без голоса. Мой крик
Накручен на магнитофоны,
Как красный вырванный язык!
Я разорван, я разбросан,

меня таскают на допросы...
Давно я дома. Жив вполне.
Но как-то нет меня во мне.
А там, в заморских казематах,

шпионы в курточках шпинатных,
Как рентгенологи и филины,
Меня просматривают в фильме.
Там на экране, голубая,

на край кушеточки присев,
Ты мне сияешь, улыбаешься,
Струишься, чистая, — при всех!
Один хрипит: «Хорош бабеч!»

Другой храпит: «Дает, балбес!»
Горбун мрачнеет. Он молчит.
Вагровый глаз его горит.
Невыносимо быть распятым,

до каждой родинки сквозя,
Когда в тебя от губ до пяток,

Как пули, всажены глаза!
И пальцы в ржавых заусенцах по сердцу шаркают почти.
«Вам больно, мистер Вознесенский?»
Пусти, чудовище! Пусти!
Пусти, проклятый Квазимодо! Душа горит, кровоточа,
От пристальных очей «Свободы»
И нежных взоров стукача.

Николай ГРИБАЧЕВ

СЫН ПОЛЮБИЛ

Он перед ней еще немеет,
он, как не певший соловей,
еще не смеет, не умеет
сказать «люблю» любви своей.

Для вздохов ищет оправданий,
грустит, стихи строчит тайком,
а я, его советчик давний,
молчу при случае таком.

Ничем еще не обнадежен,
в минуту мук и торжества
сам для своей любви он должен
в себе самом найти слова,

такие ясные, живые,
как будто из глубин своих
язык наш их родил впервые,
а мир впервые слышит их!

Евгений ДОЛМАТОВСКИЙ

ПАМЯТИ МАТЕРИ

Где б ни был я, где б ни бывал,
Все думаю, бродя по свету,
Что Гоголевский есть бульвар
И комната, где мамы нету.

Путей окольных не люблю,
Но, чтобы эту боль развеять,
Куда б ни шел, все норовлю
Пройти у дома двадцать девять.

Смотрю в глухой проем ворот
И жду, когда случится чудо.
Вот, сгорбясь от моих забот,
Она покажется оттуда.

Мы с мамой не были нежны,
Вдвоем — строги и одиноки,
Но мне сегодня так нужны
Ее укоры и упрёки.

А жизнь идет — отлет, прилет,
И ясный день, и непогода...
Мне так ее недостает,
Как альпинисту кислорода.

Топчусь я у чужих дверей
И мучаю друзей словами:
Лелейте ваших матерей,
Пока они на свете, с вами.

Евгений ЕВТУШЕНКО

МОСКВА-ТОВАРНАЯ

Студенту хочется
 послушать Скрябина,
и вот полмесяца
 живет он скрягою.
Ему не падает
 с неба манна.
Идей до черта,
 а денег мало!
Судьба коварная
 под корень рубит,
но, проявляя, как мать, заботу,
Москва-Товарная
 студентов любит

и выручает —
 дает работу.
Ночь над перроном идет на убыль.
Сгружают медики под песни уголь.
Сгружают лирики,
 сгружают физики
дрова и сахар,
 цемент и финики.
Состав с арбузами
 пришел из Астрахани!
Его встречают
 чуть ли не с астрами!
Студенты —
 грузчики
 такие страстные!
Летают в воздухе
 арбузы страшные,
и с уважением
 глядит милиция
и на мэитовца
 и на миитовца.
Но вот светает.
 Конец разгрузу.
Всем по двадцатке
 и по арбузу.
В карман двадцатку —
 и к кассе в полдень,
теперь со Скрыбиным
 порядок полный.
Арбузы просто первый сорт —
 спасибо Астрахани!
Сидят студенты на перроне,
 громко завтракают
и поездам,
 так и мелькающим над шпалами,
с перрона машут
 полумесяцами алыми..
А столько свежести
 и молодости в воздухе!
И под арбузы,
 под гудки паровозные
у них дискуссии и тут
 во всем размахе

о кибернетике,
о Марсе,
о Ремарке.
Москва-Товарная,
запомни их, пожалуйста,—
ну где им равные
по силе
и по жадности!
Они приходят
из Рязаней,
из Вологд.
Они ночей не спят —
бумагу изводят,
но пусть придется долго им помучиться,
из них,
настырных,
добрый толк получится!
Им предстоит открыться величайшие.
От них зависеть будут судьбы мира.
Ну, а пока
за то, что выручаешь их,
Москва-Товарная,
спасибо тебе, милая!

Егор ИСАЕВ

ИЗ ПОЭМЫ «СУД ПАМЯТИ»

Вы думаете, павшие молчат?
Конечно, да, вы скажете.
Неверно!
Они кричат,
Пока еще стучат
Сердца живых
И осязают нервы.
Они кричат не где-нибудь,
А в нас.
За нас кричат.
Особенно ночами,
Когда стоит бессонница у глаз
И прошлое толпится за плечами.
Они кричат, когда покой,
Когда
Приходят в город ветры полевые,

И со звездою говорит звезда,
И памятники дышат, как живые.
Они кричат
И будят нас, живых,
Невидимыми, чуткими руками.
Они хотят, чтоб памятником их
Была земля
С пятью материками.
Великая!
Она летит во мгле,
Ракетной скоростью
До глобуса уменьшена.
Жилая вся.

И ходит по земле
Босая Память — маленькая
женщина.

Она идет,
Переступая рвы,
Не требуя ни визы, ни прописки.
В глазах
То одиночество вдовы,
То глубина печали материнской.
Ее шаги неслышны и легки,
Как ветерки
На травах полусонных.
На голове меняются платки —
Знамена стран,
Войною потрясенных.
То флаг французский.
То британский флаг,
То польский флаг,
То чешский,
То норвежский...
Но дольше всех
Не гаснет на плечах
Багряный флаг
Страны моей Советской.
Он флаг победы.
Заревом своим
Он озарил и скорбь
И радость встречи.
И, может быть, сейчас покрыла им
Моя землячка худенькие плечи.

Вдохнул солдат, ремень поправил,
Раскрыл мешок походный свой,
Бутылку горькую поставил
На серый камень гробовой:

«Не осуждай меня, Прасковья,
Что я пришел к тебе такой:
Хотел я выпить за здоровье,
А должен пить за упокой.

Сойдутся вновь друзья, подружки,
Но не сойтись вовеки нам...»
И пил солдат из медной кружки
Вино с печалью пополам.

Он пил, солдат, слуга народа,
И с болью в сердце говорил:
«Я шел к тебе четыре года,
Я три державы покорил...»

Хмелел солдат, слеза катилась,
Слеза несбывшихся надежд,
И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт.

Василий КАЗИН

ТЫ НА ЗЕМЛЕ РОДНОЙ

И не обманываюсь:
Погасили
Тебе года ту молодость, ту стать,
Ту красоту,
С какой была ты в силе,
По-моему, и ангелом блистать.

А все же красотой ты
Вся земная,
Сильна и в обедненности такой,
Мне гордо выпрямиться помогая,
Подмятому любой бедой.

И так держусь я за тебя,
Не скрою,
Что в счастье мысль и пуганет подчас:
Что б не в Москве, а случая игрою,
Ну где б ты там, в Нью-Йорке,
Родилась?

Какую б видеть мне
В судьбе нескладность,
Не встретить тебя удачей земляка:
Ведь всю твою девичью ненаглядность
Завлек бы Голливуд наверняка.

Как бросился б я в публику к экранам!
Как ждал бы в нетерпенье, что вот-вот
Вдруг из-за небоскребов океаном
Какой-то кадр
Тебя мне в жизнь втолкнет!

Втолкнет и вспять под небоскреб к порогу
Отбросит загребущею волной.
Но слава богу, слава богу:
Ты на земле родной,
Ты здесь,
Со мной.

Михаил ЛУКОНИН

В ПОИСКАХ НЕЖНОГО ЧЕЛОВЕКА

Товарищи, сюда —
От снежных гор Памира,
Где льдистая гряда
Века переломила.
Покиньте высоту,
Скорей ко мне, на помощь,
Скорей покиньте ту
Заоблачную полночь.
Спускайтесь с дальних гор,
Куда слетают реки.
Вы отложите спор
О снежном человеке.
Потерян след иной,
Иду землю зимней,

Запутал белизной
То снегопад, то иней.
Ни знаков и ни вех.
Ищу в дали безбрежной —
Потерян человек
Заснеженный и нежный.
Не то, что снежный ваш —
Виденье или сказка,
Не призрачный мираж.
Живая.
Сероглазка.
Мой нежный человек,
Смеющийся от снега!
Ее бровей разбег
Остановил с разбега.
Пока искал слова,
Она дышала рядом.
Но вдруг
Ее
Зима
Укрыла снегопадом.
Вот где-то здесь она —
Протягиваю руки.
Какая-то вина
Томит меня в разлуке.
Вот только что была.
Но нету, нету,
Нету!..
Бросайте все дела,
На поиски
По следу!
Вот сострадания след —
Не этот след нам нужен.
Вот жалость шла.

Но нет,
Подделку обнаружим.
Нас не собьет с пути
Похожесть или смежность,
Нет,

надо нам найти
Обиженную нежность.
Она теперь в беде,
Нуждается в защите.
Не где-нибудь, нигде,
В себе ее ищите.

Ищу я...
Таает снег.
Весною тянет прежней.
Потерян человек
Заснеженный
И нежный.

Леонид МАРТЫНОВ

ЛЖЕТЕ!

Видеть
Время, проходящее
По назначенному кругу,
Понимать происходящее —
Редко ставилось в заслугу.
И еще гораздо менее
Поощрялось, позволялось
Предугадывать затмения,
Но и это вычислялось.
Словом, хочется не хочется,
Как бы вы ни волновались,
А великие пророчества
Неминуемо сбывались.
Вот над этим мир и трудится.
И когда свистите, ржете:
Мол, не выгорит, не сбудется! —
Думаю спокойно:
— Лжете!

Сергей НАРОВЧАТОВ

РЕВОЛЮЦИОННАЯ УЛИЦА

Он был наивно-гордым,
Декрет уездной власти,
Хоть бой вели под городом
Деникинские части.

Воспринятый, как вызов,
Менял он, дерзко нов,
Дощечки у карнизов
Обшарпанных домов.

Он улицам названия
Переменял исконные...
О наименования
Революционные!

В них переписан наново
Истории закон —
На улице Ульянова
Главенствует уком.

Жестокая расплата,
Нешадная рука —
На улице Марата
Всю ночь не спит Чека.

Здесь души не застудятся,
Пылая вдохновенно,
Раз имя носит улица
Камяля Демулена.

И все слова поются
И песни хороводят —
На площадь Революции
Не зря она выходит.

И праздновала праздники,
И горевала горести,
Дела катили разные
По ней на разной скорости.

Грустила об утратах,
О молодости яркой,
Когда в конце тридцатых
Ее назвали Парковой.

Легли морщины хмурые
На каменном лице,
Разбит был Парк культуры
Совсем в другом конце.

Глядела с думой тяжелой
На зримые отсель
Чугунную фуражку,
Чугунную шинель.

Прошли года над городом,
Прошли крутой дорожкой,
В своем решении твердом
Перерешили многое.

И на другие нужды
Десятки тонн металла,
Для лучших целей нужные,
Убрали с пьедестала.

...Название закрашенное
Память отмывает,
Давнишнее, бесстрашное
Все четче проступает.

Так выпьем же за улицу
Влюбленно и надменно,
За улицу-разумницу
Камиля Демулена!

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

СТИХИ О МОЕМ ИМЕНИ

Мне говорят:
«Послушайте,
упрямитесь
чего вам?

Пришла пора
исправить

Ошибки отцов.
Перемените имя.
Станьте

Родионом.

Или же
Романом

в конце концов...»
Мне это повторяют...

А у меня на родине
в начале тридцатых
в круговерти дней

партийные родители
называли
Робертами
спеленатых,
розовых,
орущих парней...
Кулацкие обрезы
ухали страшно.
Кружилась над Алтаем
рыжая листва...
Мне шепчут:
«Имя Роберт
пахнет иностранщиной...»

А я
усмехаюсь
на эти слова...
Припомнитесь,
тридцатые!
Вернись,
тугое эхо!
Над миром неустроенным
громыхни опять.
Я скажу о Роберте,
о Роберте Эйхе!

В честь его
стоило
детей называть!
Я скажу об Эйхе.
Я верю:
мне знаком он —
большой,
неторопливый, как река Иртыш...
Приезжал в Косиху
секретарь крайкома.
Веселый человечество.
Могучий латыш.
Он приезжал
в морозы,
по-сибирски лютые,
своей несокрушимостью
недругов
разя.
Не пахло
иностранщиной!

Пахло
Революцией!
И были у Революции
ясные
глаза...
А годы над страной
летели громдно.
На почерневших реках
дождь проступал, как сыпь...
Товарищ
Революция!
Неужто
ты
обманута?!
Товарищ Революция,
где же
твой
сын?
В какую мглу
запрятан?
Каким
исхлестан ветром?
Железный человецище.
Солдат Октября.
Какими
подлецами
растоптан,
оклеветан?..
Неужто,
Революция,
жизнь его
зря?!
От боли,
от обиды
напрягутся мышцы.
Но он и тогда
не дрогнет,
все муки
стерпя.
В своем последнем
крике,
в последней самой
мысли,
товарищ Революция,

он верил
в тебя!..
Да будет ложь
бессильной.
Да будет полной
правда...
Ты слышишь, Революция,
знамен багровых
плеск?

Во имя
Революции —
торжественно и прямо —
навстречу письмам
Эйхе
встает
партийный съезд!
Рокочет «Интернационал»
весомо и надежно.

И вот,
проклиная
жестокое
вранье,
поет
Роберт Эйхе —
мой незабвенный тезка!..

Спасибо вам,
родители,
за имя
мое...
Наверно, где-то ждет меня
мой последний день.
Кипят снега над степью.
Зубасто встали надолбы..
Несем мы имена
удивительных
людей.

Не уронить бы!
Не запятнать бы!

ЯМЩИК

Посветлело в небе. Утро скоро.
С ямщиком беседуют шоферы.

«Времечко мое уж миновало...
Льва Толстого я возил, бывало,
И в моих санях в дороге дальней
Старичок качался гениальный...»

«Пушкина возил?»

«Возил, еще бы!..
Тьма бессовестная, снежные сугробы,
Вот уже видна опушка леса
Перед самой пулею Дантеса...»

«А царя возил?»

«Давно привык!
Вся Россия видела когда-то:
Впереди сидит лихой ямщик,
Позади трясется император...»

«Ты, ямщик, в романах знаменит...»
И ямщик «спасибо» говорит,
Он поднялся, кланяется он —
На четыре стороны поклон.

Он заплакал горькими слезами,
И шоферы грязными платками,
Уважая прежние века,
Утирают слезы ямщика.

Шляется простудная погода,
В сто обхватов виснут облака...
Четверо людей мужского рода
До дому довозят ямщика.

И в ночи, и темной и безликой,
Слушают прилежно вчетвером —
Старость надрывается от крика,
Вызывает юности паром...

Ловкий, лакированный, играючи,
Мчит автомобиль во всей красе,

Химиками выдуманный каучук
Катится по главному шоссе...

Слышу я сквозь времени просторы,
Давний правнук у отца спросил:
«Жил-был на земле народ — шоферы.
Что за песни пел? Кого возил?»

Илья СЕЛЬВИНСКИЙ

ГЕТЕ И МАРГАРИТА

О этот мир, где лучшие предметы
Осуждены на худшую судьбу...

Шекспир

Пролетели золотые годы,
Серебрятся новые года...
«Фауста» закончив, едет Гете
Сквозь леса неведомо куда.

По дороге завернул в корчму,
Хорошо в углу на табуретке...
Только вдруг пригрезилась ему
В кельнерше голубоглазой — Гретхен.

И застрял он, как медведь в берлоге,
Никуда он больше не пойдет!
Гете ей читает монологи,
Гете мадригалы ей поет;

Вот уж этот неказистый дом
Песней на вселенную помножен!
Но бедняга позабыл о том,
Что не он ведь чертом омоложен;

А Марго об этом не забыла,
Хоть и знает пиво лишь да квас:
— Раз уж я капрала полюбила,
Не размениваться же на вас.

Сергей СМИРНОВ

ЗДРАВСТВУЙ, КОСМОС!

Мы тебя не держим на прицеле,
Не грозим бессмысленной войною,
Нет,
у нас совсем другие цели
И взаимодействие иное.

Мы хотим преодолеть границы,
Чтоб с тобой навеки породниться,
Чтобы дружбы звездное крещение
Было темой
нашего общения.

И во имя этой самой темы
Мы, земляне, говорим открыто:
Все планеты солнечной системы
Ожидают
нашего визита!

Алексей СУРКОВ

* * *

Мир детства моего на дне морском исчез...
Где петухи скликались на рассвете,
Где зрела рожь, синел далекий лес,
Теперь в воде сквозят рыбацьи сети.

Ты грустным взглядом в глубину глядишь,
Без горьких сожалений и обиды.
Там чудится тебе солома крыш
Уснувшей деревенской Атлантиды.

Крепчает ветер. Между черных свай
Вскипает пены белоснежной вата...
Спи, Атлантида. Спи и не всплывай.
Тому, что затонуло, нет возврата.

ХОЛМ ЮЙХУАТАЙ

«Жили, как великие,
умерли, как герои!»
(Надпись на памятнике
коммунистам на холме
Юйхуатай в Нанкине.)

Юйхуатай, зеленый холм,
Не просто холм, а сад,
И тишина стоит на нем,—
Здесь коммунисты спят.

Кто убивал их, сам сражен
В дни страшного суда —
Народной мстью кончен он
И проклят навсегда.

По склонам старого холма
Ряды могил идут,
И только знает смерть сама
Число лежащих тут.

Сто тысяч, люди говорят,
Героев здесь лежит.
Цветут цветы, встает заря,
И облако бежит.

А холм весь в камешках цветных.
Пестра цветная смесь,
Как будто в многоцветных, в них
Живое что-то есть.

И юности голубизна,
Стальной упорства цвет,
Зеленоокая весна,
И лунный желтый свет,

И красный — цвет победных дней,—
Народный наш Китай...

Мне подарили горсть камней
С холма Юйхуатай.

Не для забав, не для игры
В своей красе цветной
Те камни с маленькой горы
Лежат передо мной.

Их цвет с годами не остыл,
Звучит, как песня, мне
Про жизнь великих и простых
Героев наших дней!

Александр ТВАРДОВСКИЙ

ДВЕ СТРОЧКИ

Из записной потертой книжки
Две строчки о бойце-парнишке,
Что был в сороковом году
Убит в Финляндии на льду.

Лежало как-то неумело
По-детски маленькое тело.
Шинель ко льду мороз прижал,
Далеко шапка отлетела.
Казалось, мальчик не лежал,
А все еще бегом бежал
Да лед за полу придержал...

Среди большой войны жестокой
С чего — ума не приложу —
Мне жалко той судьбы далекой,
Как будто мертвый, одинокий,
Как будто это я лежу,
Примерзший, маленький, убитый
На той войне незначимой,
Забытый, маленький, лежу.

Василий ФЕДОРОВ

* * *

По главной сути
Жизнь проста:
Ее уста...
Его уста...

Она проста,
По доброй сути,
Пусть только грудь
Прильнет ко груди.

Весь смысл ее
И мудр и прост,
Как стебелька
Весенний рост.

А кровь солдат?
А боль солдатки?
А стронций
В куще облаков?

То все ошибки,
Все накладки
И заблуждения
Веков.

А жизни суть,
Она проста:
Ее уста...
Его уста...

Владимир ФИРСОВ

ГУСЛЯРЫ

В небе пасмурно-синем
Крик гусей замирает.
На далекой Псковщине
Гусляры вымирают.
Тонут
Белые гуси,
Улетают на юг.
Стонут

Звонкие гусли,
Отвыкают от рук.
Горечь вечной разлуки,
Свист осенних ветров.
И беспомощней руки
У глухих гуслиаров..
Ой вы, белые гуси,
Возвращайтесь назад!..
Стонут звонкие гусли
И тревожно молчат.
Только в озере Ильмень,
Далеко, глубоко,
Под мятежную стынью
Дремлют гусли Садко.
Ночью звездной и лунной
В угрюмой тиши
Пробегают по струнам
Пугливо ерши.
— Ну-ка, звону поддай-ка!..
Но, спускаясь с высот,
И луна
Балалайкой
Безголосой плывет.

Степан ЩИПАЧЕВ

* * *

Я много поездил по разным странам,
По параллелям и меридианам.

Земля то снегами седела,
То пустынями жгла.
Видать, подтвердить хотела,
Что она кругла.

С океанами, материками
Она близка мне: друзья — везде.
О если б я мог, обхватив руками,
Ее собою прикрыть в беде!

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Павел Антокольский. Встань, Прометей!</i>	3
<i>Николай Асеев. Песнь о Гарсиа Лорке</i>	4
<i>Александр Балин. Первое свидание</i>	5
<i>Сергей Васильев. Пришла любовь</i>	6
<i>Евгений Винокуров. «И когда мои ноги уже за- текали...»</i>	7
<i>Андрей Вознесенский. «В Америке, пропахшей мра- ком...»</i>	7
<i>Николай Грибачев. Сын полюбил</i>	9
<i>Евгений Долматовский. Памяти матери</i>	9
<i>Евгений Евтушенко. Москва-Товарная</i>	10
<i>Егор Исаев. Из поэмы «Суд памяти»</i>	12
<i>Михаил Исаковский. Враги сожгли родную хату</i>	14
<i>Василий Казин. Ты на земле родной</i>	15
<i>Михаил Луконин. В поисках нежного человека</i>	16
<i>Леонид Мартынов. Лжете!</i>	18
<i>Сергей Наровчатов. Революционная улица</i>	18
<i>Роберт Рождественский. Стихи о моем имени</i>	20
<i>Михаил Светлов. Ямщик</i>	24
<i>Илья Сельвинский. Гете и Маргарита</i>	25
<i>Сергей Смирнов. Здравствуй, Космос!</i>	26
<i>Алексей Сурков. «Мир детства моего на дне мор- ском исчез...»</i>	26
<i>Вероника Тушнова. Моя муза</i>	27
<i>Николай Тихонов. Холм Юйхуатай</i>	28
<i>Александр Твардовский. Две строчки</i>	29
<i>Василий Федоров. «По главной сути...»</i>	30
<i>Владимир Фирсов. Гусляры</i>	30
<i>Степан Щипачев. «Я много поездил по разным странам...»</i>	31

Цена 4 коп.

НЕ РАЗВОДИТЕ КОСТРОВ

ВБЛИЗИ СТРОЕНИЙ!